

Сенсация „Последних Новостей“

На прошлой неделе *«Последние Новости»*, основываясь на «совершенно достоверных источниках», опубликовали своих читателей о решении Коминтерна, в частности, в плену НККИ, включить в программу своей деятельности применение индивидуального террора. Это решение, по словам освещенного информатора газеты, обусловлено было тем фактом, что организация фабрично-заводских ячеек, якобы не оправдала возлагавшихся на них надежд и не проявила активности в области террора.

Читая это сенсационное заявление — надвигалось, однако же, достаточно шума — не знаешь, чему больше удивляться: новизны ли газеты или безцеремонности информатора.

В частности, та или иная деятельность фабрично-заводских ячеек, конечно, не могла иметь влияния на характер проявления террора.

Фабрично-заводские ячейки выносятся по преимуществу задачи организации и агитации; чисто чекистские ячейки, хотя и являются в общей связи заводско-фабричных организаций, но эти ячейки занимают по преимуществу накалывающий материал на тот случай, когда представится возможность осуществить террор в отношении намеченных жертв.

В своей тактике большевики, прежде нежели перейти на путь массового террора, придерживались террора индивидуального, практика которого не прекращается, и до сего дня, о чем свидетельствует печальная история Германии, Польши, Чехии, Испании, Болгарии и т. д.

Большевики никогда не скрывали, что применяют применение индивидуального террора по отношению к классовым интересам пролетариата. Эта кровавая идеология особенно ярко и отчетливо была выражена Зиновьевым в его знаменитой речи на конгрессе германской партии независимых социалистов, в Гагге 14 октября 1920 года.

Затем вопрос о «преимуществах» того или другого вида террора, горячо обсуждался на Третьем Конгрессе Коминтерна (22-го июня — 12-го июля 1921 г.). Кон-

гресс, согласно предложенным им тезисам отверг невзрывную теорию активизации рабочего движения путем применения индивидуального террора (т. е. террора) в обстановке, когда предостережения для возмещения от отсутствия т. д.

Из этой краткой справки видно, что большевики, зная, что — тоже коммунисты, говоря словами Зиновьева, всегда были и есть и будут поклонниками применения террора, особенно, в случаях нарушения общественной жизни — жизни широких народных масс, во время волнений и революций.

На только что бывшем конгрессе пленума НККИ, действительно, говорилось о совершенно ничтожных результатах индивидуального террора по сравнению с громадными успехами отменяемыми ежедневными на эту цель, для осуществления которой содержатся цыгане, чекисты, организованные в специальные ячейки. Имется такая организация и в Париже.

Таким образом, сенсационное сообщение, появившееся в *«Последних Новостях»*, является верным старым истинным. По поводу поднятого вопроса во время заседания пленума НККИ, шельмующего террор с легкой руки Зиновьева, переживающего очередное изменение своего взгляда.

В этой работе последнего пленума НККИ, иностранным секциям Коминтерна разослана копия стенографического отчета бывших дебатов с приложением объяснительной записки и с пометками, как лучше и удобнее пользоваться террористическими насилиями, к этому поучению приложена даже специальная схема. Отныне рекомендуется применять террор в отношении членов ячейки, политич. и прочих обремененных лиц, во время беспорядков и даже мирных демонстраций, каковыя посетуется устранивать чаще. На 1-е мая назначена проба этого средства во многих странах, где существует достаточно сильные коммунистические организации.

А. Резановъ

Странички прошлого

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III И М. Д. СКОБЕЛЕВЪ

Послѣ турецкой кампаніи и побѣдоноснаго похода въ Среднюю Азію М. Д. Скобелевъ томился бездѣятельемъ. Не только изумительный военачальникъ, имѣвшій даръ удивительнаго вліянія на массы, но и прекрасный образованный офицеръ генеральскаго штаба, М. Д. Скобелевъ постоянно и много работалъ пристрастно сядя и за военной наукой и за тѣмъ, какъ развѣтываются европейскія событія. Онъ посылалъ большіе германскіе маневры, гдѣ пользовался, исключительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, опаснымъ вниманіемъ германскаго императора, давъ тонкій и блестящій ихъ разборъ, съ рядомъ глубокихъ и дальновидныхъ замѣчаній, и вообще какъ то пророчески предвѣдѣлъ невозможность предстоящей намъ войны съ Германіей и неустанно лично къ ней готовился.

Вскорѣ послѣ посѣщенія Германи, Скобелевъ побѣжалъ въ Парижъ и тамъ, очевидно, безъ всякой предвѣрности, на обѣдѣ, данной въ его честь, студентами сербамъ, произнесъ свою знаменитую рѣчь, въ которой говорилъ студентамъ, что дѣло освобожденія славянства еще не закончено.

Рѣчь эта попала въ газеты, и въ Германи, гдѣ Скобелева боялись и считали будущимъ главнокомандующимъ русскіхъ войскъ въ возможной войнѣ, произвела впечатлительныя разрывающія бомбы.

Скобелевъ телеграммой былъ вызванъ изъ отпуска въ Петербургъ. Несмѣря на сдержанность и обычное спокойствіе Императора Александра Третьяго, самые храбрые люди его боялись, Скобелевъ уже бѣжалъ изъ Парижа, чувствовалъ себя не по себѣ.

То, что произошло во дворцѣ, несколько знаю, не пошло въ книгу о М. Д. Скобелевѣ, составленную Алупшинскимъ. Разсказъ объ этомъ мнѣ пришлось слышать отъ г. Г. Д., бывшаго въ тотъ день дежурнымъ камеръ-пажемъ. Образъ дѣйствія Государя мнѣ представляется исключительно характернымъ и для него и для его вѣковой волнаницы.

Скобелевъ — разсказывалъ Д. — явился во дворецъ, когда въ залѣ ожидали было порадочное народо, и, вообще нервный, онъ на этотъ разъ былъ особенно взволнованъ. Уже всѣмъ было извѣстно о происшедшемъ въ Парижѣ и о быстро прерванномъ отпускѣ. Въ обычное время близость къ Скобелеву, знакомство съ нимъ, однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей въ Россіи, было честию, но въ этотъ день картина была иная. Скобелевъ, чтобы скоротать тяжелое для него время ожиданія, подошелъ къ кому то изъ знакомыхъ и заговорилъ, однако, соборъ дѣлать, не только не былъ молчаливъ, но

Дѣти Фенгъ Ю Сянга прибыли въ Москву.

Въ Бейрутѣ Верховнымъ французскимъ комиссаромъ въ Сиріи дѣлу неслемъ открытъ археологическій конгрессъ, на которомъ присутствуютъ представители 43 большихъ ученыхъ обществъ.

Константинопольскій муниципалитетъ сдалъ въ аренду бывшую резиденцію Абдуль Гаида — Флоренсъ — Ильдизъ — Мюскъ одной итальянской компании, которая предполагаетъ устроить тамъ отель и казино.

Новый греческій президентъ

постарался, какъ можно скорѣе окончить разговоръ. Скобелевъ подошелъ къ другому, и повторилъ то же, и такъ нѣсколько разъ. Отъ него отходилъ, какъ отъ зачумленнаго. Едва владѣвшій собой, М. Д. подошелъ, наконецъ, къ мнѣ. Простое ставъ въ сторонѣ, ни съ кѣмъ не говоря и покорно ожидая своей участи — было для него вѣстерпимо. Для меня Скобелевъ былъ национальнымъ героемъ и видя, какъ его всѣ избѣгаютъ, и страшно волновался и возмущался. И когда онъ ко мнѣ подошелъ, я съдѣлалъ все, чтобы показать ему, что считаю это для себя за большую честь и, какъ могъ и умѣлъ, старался его «разговорить», все время навоявъ бесѣду на его турецкія побѣды. Наконецъ, только что мнѣ, какъ будто, удалось его развѣять, какъ вышелъ Государь. Послѣ короткаго разговора съ грѣсколькими лицами, Государь замѣтилъ Скобелева и назвѣркая замѣтилъ и понялъ, въ какомъ онъ находится состояніи. Онъ улыбуясь и съ легкимъ отъѣвномъ шутя, такъ, чтобы всѣ слышали, громко къ нему обратился:

— А, ты уже вернулся, герой — и здѣсь же приглашилъ его къ завтраку. Скобелевъ просялъ. Между окончившимся приемомъ и завтракомъ, на который, громъ Скобелева, никто приглашенъ не былъ, былъ маленкій перерывъ и, какъ только Государь вышелъ, тогда представился себя и только что незамѣчившихъ Скобелева, обступила его, выражая свое сочувствіе, поздравленія и т. д.

Бѣлый Генералъ грустно молчалъ и нервно пожевывалъ.

За завтракомъ Императоръ расприказывалъ Скобелева о Парижѣ, заграничныхъ впечатлительныхъ и т. д. и ни словомъ не обмолвился о злополучной рѣчи. И только послѣ завтрака наединѣ говорилъ съ нимъ у себя въ кабинетѣ.

Суля по лицу Скобелева, послѣ этого разговора, послѣдній также не былъ непритѣненъ.

Конечно, обращеніе Государя къ М. Д. Высочайшемъ примѣмъ, разлетѣлось по Петербургу, навѣрно пошло въ германское посольство, и тамъ... успокоились.

Поведеніе Императора Александра Третьяго на этотъ разъ было обычнымъ. Твердостью и прямою не разъ успокаивалъ онъ не только друзей, но и враговъ Россіи. Простая дипломатія, которая во измѣненіе извѣстной латвиской поговорки, гласила: «если хочешь мира, не бойся войны» — оказалась самой успѣшной, а дипломатическая прямота героя-генерала была по душѣ прямому праву Государя.

Иванъ Бѣленкинъ.

Пангалосъ назначилъ премію за голову Пластираса.

Изъ официальныхъ источниковъ сообщаютъ, что польскій министръ иностранныхъ дѣлъ Скрипчинскій намеревается во второй половинѣ текущаго апрѣля послѣ своего визита въ Прагу посетить главу австрийскаго правительства въ Вѣнѣ.

Испанскіе летчики, совершающіе перелетъ Мадридъ — Манила должны были спускаться въ Бассорѣ. Въ послѣднюю минуту они рѣшили отбѣгнуть отъ спуска и направиться прямымъ путемъ изъ Багдада въ Буширь.

„Памятникъ“

«Поруби заповѣднаго дѣла съ с. Михайловскомъ и Троицкимъ не прекращающагося. Могильный холмъ осядетъ, памятникъ поэта покосится. На камнѣ памяти хулиганскія, нецензурныя надписи, вокругъ — нечистоты...»

«Красная Газета».

Ты «памятникъ» себѣ воздвигъ нерукотворный.

Къ нему не заросла «свободная» тропка...

И вотъ, по той тропѣ «свободной» и просторной,

Претъ комсомольская толпа.

Панъ Феликсъ для нея — психологъ и философъ.

Превыше Пушкина въ ея глазахъ — Демьянъ.

Она «словесности» училась у матросовъ.

Эстетикъ — у обезьянъ.

Въ твоѣ безсмертіе не вѣрують колоты.

То аннулированъ. И если на Тверскомъ

Еще стоишь, какъ встарь, то это — для Ев

ропи.

Тобой прикрылся Совнаркомъ.

Но если отъ нея получишь онъ кредиты,
Чтобъ на ея же счетъ ей голову свеснуть,
Въ тотъ день твой памятникъ низвергнутъ въ прахъ бандитъ,
Не призадумавшись ничуть.

А тамъ, въ Михайловскомъ, въ Троицкомъ гдѣ слетала
Къ тебѣ поэзія на утрѣ юныхъ лѣтъ,
Лавейская душа безмозглаго вандала
Уже оставила свой слѣдъ.

Хамъ торжествующій украсилъ вдохновенно
Своимъ автографомъ могильную плиту.
Повѣдалъ людямъ онъ легко и откровенно
Свою похабную мечту.

Приютъ Безсмертнаго совѣтской сестры уборной...
Глядите, граждане: московский пионеръ
Желаетъ памятникъ создать нерукотворный...
Въ коммуну С. С. С. Р.

Lofo.

Въ Совѣтской Россіи

«ЯЗВА ЖЕЛУДКА»

Въ некрологѣ, посвященномъ скончавшемуся на дняхъ одному изъ главныхъ организаторовъ ВЧК и ЦПУ Ксенофонову «Правда» сообщаетъ, что онъ умеръ отъ «язвы желудка, ставшей такой обиденной причиной многихъ и многихъ смертей лучшихъ и опытливыхъ товарищей».

(«Руспрессъ»).

КЪ УБИЙСТВУ КАЛМЫКОВА

Убийство председателя черкесско-карачаевского ЦИД-а Османъ бекъ Калмыкова произошло въ Москвѣ большое впечатление. Калмыковъ извѣстенъ былъ въ Москвѣ, какъ членъ совѣта национальностей СССР, а у себя на родинѣ — какъ одинъ изъ самыхъ жестокихъ борцовъ противъ контръ-революціи.

Убийство произошло въ горахъ, куда Калмыковъ былъ увезенъ напарившимъ на его автомобиль партизанскимъ отрядомъ. Трупъ Калмыкова найденъ былъ черезъ три дня послѣ нападенія въ страшно изуродованномъ видѣ.

(«Руспрессъ»).

КУРСЫ ПАСТУХОВЪ.

Въ с. Обращахъ, Владим. губ., открылись курсы пастуховъ. Лекціи слушаютъ 100 человекъ.

(«Извѣстія»).

РАСТРѢЛЫ.

Въ Петропавловскѣ - Акмолинскомъ губернской судьи приговорилъ къ расстрѣлу, безъ примѣненія амнистіи, кассира сберегательнаго кассы Терца, растратившаго 8.000 рублей.

(«Извѣстія»).

ДВОРЕЦЪ КНЯЗЯ ВИТГЕНШТЕРИНА

Въ селѣ Бронницахъ на совѣтско-румынской границѣ, приступлено къ ремонту и переоборудованію дворца бывшаго князя (дигиташейна). Съ мая въ этомъ дворцѣ будетъ открытъ домъ отдыха для рабочихъ.

(«Извѣстія»).

РАСПРАВА.

Въ Тутѣ губсудъ приговорилъ къ 3 го дамъ лишения свободы священника Нектарова, который съ 1904 по 1907 г. состоялъ активнымъ членомъ «Союза русскаго народа».

ТРИППОННАЯ ЭПИДЕМИЯ.

Гриппъ въ Петроградѣ началъ понижаться. За 25 марта заболѣло 612 чел. противъ 784 заболѣвшихъ наканунѣ.

(«Извѣстія»).

ПОБЛКИ ИЗЪ ЗАГРАНИЦЫ.

За послѣдніе дни въ Петроградѣ прибыло изъ за границы 654 посылки, которыя должны быть оплачены пошлой по новому тарифу. Выпущены только 22.

(«Извѣстія»).

ВУЛКАНЪ НА КАМЧАТКѢ

По сообщеніямъ изъ Москвы, Авачинскій вулканъ на Камчаткѣ съ 28 марта проявляетъ большую активность, онъ выбрасываетъ большое количество лавы, пепла и пепла. Внутри кратера все время происходятъ взрывы. Ежедневно выбрасывается миллионы кубическихъ метровъ всякихъ веществъ. Пепель выбрасываемый изъ вулкана разнесся по большой территории Камчатки.

ПОРАЖЕНІЕ ДРУЗОВЪ

Явскій корреспондентъ *Таймса* сообщаетъ подробности пораженія друзей, которые долго сопротивлялись, но потомъ поняли, что сопротивленіе бесполезно и на чашѣ отходятъ къ Жабелъ. Всего считается, что отходятъ къ горамъ около 8.000 друзей включая женщинъ и дѣтей.

Франгузы, получившія сообщенія отъ лазутчиковъ напали ночью на расположенные друзья и нанесли имъ большія потери, захватили 400 выстрѣловъ и много награбленнаго друзьями имущества.

Изъ Софій сообщаютъ:

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

— 13 апрѣля состоится свиданіе Рудля Перъ съ Черчиллемъ.

— Предполагалось, что дирижабль «Норвегія» вылетитъ изъ Рима 8 марта; однако по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ вылетъ дирижабля отсроченъ.

— Манчестерскій муниципалитетъ большинствомъ 52 голосовъ противъ 15 постановилъ запретить футбольныя состязанія въ городскихъ паркахъ по воскресеньямъ.

— Въ Южной Африкѣ въ Кимберлей пѣкѣ К. Кови подожгли въ Банкѣ въ 1886 году бриллианты цѣнностью въ полтора тысячъ фунтовъ. Въ виду того, что въ теченіе 40 лѣтъ никто не явился за эти ми бриллиантами. Банкъ объявилъ, что если они не будутъ взяты въ теченіе 20 дней, онъ продастъ ихъ съ публичныхъ торговъ.

— Въ будущій понедѣльникъ лондонская газета «Морнингъ Постъ» нач-

нетъ печатать выдержки изъ мемуаровъ Раймонда Пуанкаре.

— Въ Брюсселѣ, по случаю дня рожденія Короля Альберта, состоялся парадъ войскамъ.

— Въ ближайшее время рейхсканцлеръ Лютеръ въ сопровожденіи министра внутреннихъ дѣлъ выѣзжаетъ въ Мюнхенъ для урегулированія спорныхъ вопросовъ между баварскимъ и имперскимъ правительствами.

— Количество безработныхъ въ Англіи за послѣднюю недѣлю уменьшилось на 25.000, достигая, 1.013.000, что на 180.000 меньше чѣмъ было въ это же время въ прошломъ году.

— Герцогиня де Гизъ выѣхала изъ Туанса въ Палермо.

— Въ Марокко, французскія войска отбѣли назадъ форть Бабель Хаитъ, который былъ занятъ рифинями во время послѣдней атаки.

Человѣкъ, который умеръ отъ страха

Ленотръ предположаетъ своему разсказу объ этомъ человѣкѣ картину того, что происходило въ Тюльерійскомъ дворцѣ 10 августа 1792 года.

Послѣ полуночи 10 августа, говорить онъ, когда пушки обратили въ бѣгство его послѣднихъ защитниковъ, революціонный Парижъ, охваченный безумнымъ любопытствомъ, устремился взглянуть на свою побѣду и достойно отпраздновать ее.

Зрѣлище получилось замѣчательное: въ огромномъ вѣстибюлѣ — лужи кровавой грязи, по которой шлепаетъ толпа, устремляющаяся внутрь дворца; на парадной лѣстницѣ — трупы швейцарцевъ, черезъ которые съ хохотомъ и визгомъ, задирая юбки, перепрыгиваютъ женщины; въ галлерейхъ слѣдующаго этажа — крикъ, пѣсни и плясъ, тучи пыли отъ сдвигавшихъ ковровъ и трескъ зеркалъ, которыя побѣдоносный народъ дробитъ для потѣхи дубинками; въ одномъ мѣстѣ обжариваются вареньемъ, въ другомъ, льютъ на себя духи, въ третьемъ раздѣваютъ до гола убитыхъ и придаютъ имъ смѣхотворныя и безстыдныя позы; какая то дама играетъ, какъ на арфѣ, на струнахъ раскрытаго фортепьяно, клавиши котораго уже выдребезги разбиты, какой то молодой человѣкъ, возбуждая восторгъ окружающихъ, наполнивъ драгоценнымъ старымъ виномъ ночной горшокъ и вазосъ опорожняетъ его... И все пируетъ оргія: толпа все гуще валитъ по лабиринту сумрачныхъ корридорровъ, жадно заглядываетъ во всѣ закоулки, беретъ приступомъ баррикады изъ матрацовъ, хруститъ, наступая на черепки посуды, на битое стекло, вламывается въ жилые покои... А въ окна видны гигантскіе языки пламени, которыми уже пылаютъ сосѣдніе дворцовые корпуса, а изъ верхнихъ этажей дворца густыми облаками несетъ пухъ изъ тысячи распоротыхъ перинъ, подушекъ и валиковъ...

До вечера 12 августа Парижъ ходитъ во дворецъ, какъ на ярмарку, говоритъ Ленотръ. Но вотъ все, что было можно, исковеркали и растащили; мертвыхъ убили, пожары потушили, пухъ пересталъ летать — и Парижъ потерялъ интересъ ко дворцу. Поставили часовыхъ у воротъ и владуми составилъ описъ наиболѣе важныхъ вещей и заняться розыскомъ важнѣйшихъ документовъ, связанныхъ съ преступностью свергнутого режима. Во дворцѣ появились новые жильцы.

Первый, кто поселился въ немъ послѣ Людовика XVI, былъ Брусо, темная личность изъ бывшихъ актеровъ, другъ Колло Эбура, который откровенно заявилъ еще 10 августа:

— Ну, теперь каждый изъ насъ вскорѣ сможетъ выбрать себѣ по особняку... Актеръ пошелъ дальше — онъ выбралъ себѣ просто на просто дворецъ и тотчасъ же перебрался въ него и переташилъ съ собой всѣ свои пожитки, умѣшавшіеся, къ счастью, въ одной корзинѣ. А его примѣру послѣдовали и еще одинъ скромный гражданинъ — сапожникъ Куртуа: этотъ не только затесался во дворецъ, но и потребовалъ, дабы въ распоряженіе его дочки было предоставлено фортепьяно королевы, что и было немедленно исполнено, ибо у сапожника тоже была видный другъ: не болѣе не мнѣ, какъ самъ Дантонъ. А затѣмъ Роландъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, рѣшилъ, что совѣтъ министровъ долженъ ревизировать нижній этажъ дворца для своихъ засѣданій. И вотъ, господа министры стали каждый день являться туда завтракать, пить вино изъ королевскихъ погребовъ и чинить производство по вышеупомянутой описи и по розыску.

Производство это установило только то, что во дворцѣ не осталось ни одной цѣльной вещи, что народъ разгромилъ все, что могъ. Однако ограничиться этимъ было нельзя: городъ волновался, по городу были пушены обычные революціонныя слухи, и дворецъ, «этотъ старый вертепъ тирановъ», рисовался народному воображенію какъ мѣсто по истинѣ ужасное — съ подземными ходами въ Версаль, съ подземными темницами, полными

несчастныхъ узниковъ, стоны которыхъ вопіютъ къ небу. Принявъ повсюду шарики — искать этихъ подземелья, поднимать полы, сверлить стѣны. Но ни узники, ни подземелья не было — нашли только королевскаго лакея, который отъ страха зазѣлъ еще 1 августа въ каминную трубу въ гостиной королевы, не могъ выбраться назадъ и умираетъ отъ голода. Его подкормили и стали разрапаривать о тайнахъ «вертепа», и онъ раскрылъ имъ не мало: напримеръ, то, что всѣ корсеты Маріи Антуанетты были набиты волосомъ, такъ какъ у Ея Величества одно плечо было выше другого...

Но этого было, конечно, недостаточно, особенно для Ролана.

Поиски бумагъ королевской семьи должны были продолжаться, и Роландъ съ ума сошелъ на мысли во что бы то ни стало найти свои письма къ королю. Онъ съ утра до вечера рылся въ разныхъ неважныхъ документахъ, найденныхъ во дворцѣ, лазилъ по асьмѣ столамъ, тщательн обискалъ комнату Дофина — и нашелъ въ ящикѣ комода самая обыкновенныя ракушки, симметрично разложенныя будущимъ «тираномъ», да черновики письма: «Мой дорогой папа, я очень радъ, что могу пожелать вамъ счастливаго Нового года и сказать, что я люблю васъ, всѣмъ сердцемъ...»

Что было дѣлать бѣдному Ролану?

«Съ утра до вечера шатаался по дворцу эта длинная и унылая фигура, эта озабоченная душа въ сѣрыхъ чулкахъ и коричневомъ плащѣ, осторожно ступавшая грубыми башмаками». Но поиски ея были тщетны. Маратъ, «на котораго индого да нахлынула вѣстель», пустилъ слухъ что 10 августа королева побросала всѣ компрометирующія ее и короля бумаги въ какую-то выгребную яму, и Роландъ тотчасъ ухватился за этотъ слухъ: два золотара съ связанными носами и намазанными саломъ бровями, — такова была тогдашняя профилактика, — стали, по его приказу, рыться въ нечистотахъ, а самъ Роландъ, тоже съ заткнутымъ носомъ, жадно перечитывалъ каждую бумажку, которую доставляли ему они и которую онъ предвѣрительно опускалъ въ уксусъ. Однако, и это не помогло: ни писемъ Ролана, ни документовъ, на основаніи которыхъ можно было бы обвин-

нить короля, все не было... Какъ влудъ судьба смистовилась надъ Роланомъ.

Однажды утромъ — утромъ 20 ноября 1792 года — Роландъ почти бѣгомъ поднялся по главной лѣстницѣ дворца въ сопровожденіи какого-то высокаго, худого, желтолицаго и вообще крайне жалкаго человѣка съ провалившимися глазами и скрылся вмѣстѣ съ нимъ въ королевскій спальня. Тамъ они заперлись на ключъ и долго о чемъ-то бесѣдовали. По томъ потребовали у смотрителя зданія шестку и веревку, потомъ, около полудня, два портфеля... Въ четверть же третью Роландъ, снявъ отъ плохо скрытаго торжества, явился въ Конвентъ: два портфеля, которые онъ притащилъ съ собой, были биткомъ набиты бумагами, только что найденными при помощи желтолицаго незнакомца въ корридорчикѣ, примыкавшемъ къ королевской спальнѣ. И судъ бы короля былъ рѣшенъ. Можно утверждать съ большою достовѣрностью, говоритъ Ленотръ, что безъ этихъ бумагъ процессъ противъ короля не состоялся бы: рѣшительно не къ чему было придираться. А теперь придирки все таки нашлись. Это онъ, этотъ желтолицый человѣкъ, отдалъ въ руки палача голову Людовика XVI.

«Онъ былъ полное ничтожество во всѣхъ смыслахъ и невѣроятный трусъ». Звали его Франсуа Гамэнъ и занимался онъ слесарнымъ ремесломъ въ Версалѣ. И дѣла и отецъ его работали при дворцѣ. До революціи и самъ онъ бывалъ тамъ каждый день и былъ хорошо извѣстенъ королю, который очень любилъ его. Когда короля заточили въ Тюльери, онъ сталъ подумывать о побѣгѣ, рѣшилъ спрятать въ надежное мѣсто важнѣйшіе документы и послалъ лакея за Гамэнномъ. Гамэнъ тайкомъ, черными ходами пробрался во дворецъ и, вмѣстѣ съ лакеемъ помогъ королю выбить нишу въ стѣнѣ корридора и выковать для нея желѣзную дверку. Работа длилась цѣлыхъ три ночи, и наконецъ документы были спрятаны, ниша была заложена этой дверкой, заперта на ключъ и замурована, а Гамэнъ былъ отпущенъ восвояси. Онъ вернулся въ Версалѣ поздно ночью, ни къ мнѣ замѣченный, но у страха глаза велики: Гамэнъ раздумалъ и затрепеталъ отъ ужаса, что завтра-же всѣмъ будетъ из-

вѣстна его помощь преступному королю... И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже пошло дѣло.

Онъ и такъ уже не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью. Каково же ему было 10 августа, когда онъ узналъ о томъ, что дворецъ «сталъ достояніемъ народа!» Тутъ онъ совершенно сошелъ съ ума, бросилъ пить, ѣсть, работать и все только расприказывалъ кого попаало, живъ ли лакей, водившій его во дворецъ, будучи ли дворецъ обысканъ, ломать его стѣны. Онъ разъ десь приходилъ въ Парижъ съ цѣлью чистосердечно покаяться кому слѣдуетъ на счетъ того, въ чемъ онъ долженъ былъ участвовать по приказу короля, и каждый разъ возвращаясь домой, не исполнивъ своего намѣренія, не собравшись съ духомъ. Наконецъ, пронеслась самая страшная для него вѣсть: короля будутъ судить, дворецъ обыскиваютъ! Гамэнъ затесался въ предсмер